

Осужденіе соборомъ 1667 года русскаго старо- обрядчества.

(Продолженіе).

Почему соборъ 1667 года, руководимый двумя бывшими въ Москвѣ восточными патріархами, такъ нетерпимо отрицательно отнесся къ старому русскому обряду, который въ существѣ дѣла былъ древне-греческимъ православнымъ обрядомъ, это понятно. Восточные патріархи въ своемъ пониманіи происхожденія и смысла обрядовыхъ русскихъ особенностей, по сравненію ихъ съ тогдашнимъ греческимъ обрядомъ, держались воззрѣній грека архимандрита Діонисія и строго послѣдовательно старались провести ихъ въ своихъ постановленіяхъ о русскихъ старообрядцахъ. Вместе съ Діонисіемъ патріархи находятъ въ особенностяхъ русскаго обряда скрытое въ нихъ прямое еретическое ученіе. Такъ, соборное опредѣленіе, составленное подъ руководствомъ патріарховъ, согласно съ Діонисіемъ, и даже его словами, говоритъ: „а еже глаголють нѣщы аллилуія 2-жды; таже: Слава тебѣ Боже, никакова основанія въ томъ имѣють. Толкують бо, яко знаменуеть аллилуія: Слава тебѣ Боже, 2-жды аллилуія, тоже: Слава тебѣ Боже, являетъ по ихъ 3-жды Слава тебѣ Боже. Се трижды Слава тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо грѣшати зѣло: зане невѣденіемъ исповѣдують токмо Троицу просто, а единицу ни. Но святая восточная и апостольская церковъ православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ въ Божествѣ Троицу и единицу“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ дѣяній соборъ говоритъ: „въ Евфросиновѣ житіи писана отъ соннаго мечта-

нія велія и несказанная хула на святую и живоначальную Троицу, ея же и писанію предати не подобаеъ. Толкуя бо аллилуіа глаголетъ воплотившася Бога Отца, и паки глаголетъ воплотившагся Святаго Духа, и паки воскресша Бога Отца и Святаго Духа“. Двоперстію патріархи дають на соборѣ такое толкованіе: „глаголаша тѣ суемудріи (т. е. приверженцы стараго обряда), яко два перста, второй указательный, и третій средній, Божество и челоувѣчество знаменуютъ, и три перста: первый, четвертый и послѣдній — меншій, наклонити и совокупити подѣ двѣма персты, и имѣноваша Святую Троицу и глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя персты естъ таинство Святыя Троицы. Всѣмъ убо явлено естъ, яко *исповѣдаши во Святѣй Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане, и духоборцы, и аполинаряне и прочіи проклятій еретицы*: зане оніи сице исповѣдаша несравненіе и раздѣленіе во Святѣй Троицѣ: Отца болша назваша, а Сына менша, и Духа Святаго еще менша и яко раба; *такжеже и тѣ три разныя и неравныя персты являютъ, яко же же мудрствоваше вышереченіи проклятій еретицы*“. Относительно молитвы Иисусовой патріархи говорятъ: „а кто хошетъ глаголати, упрямства ради, токмо единого: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, а: Господи Иисусе Христе Боже нашъ, глаголати отвращается, *мнится, яко мудрствуетъ и исповѣдуетъ Христа, яко и Арій, точію Сына Божія быти по благодати, а не Бога истинна, единосущнаго Отцу*. И въ томъ внимайте и разсудите и уразумѣйте, кая молитва естъ вящше прилична и больше чести приносить Христу. Явственно естъ, яко сія молитва: Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, естъ вящше прилична и болши Христу приносится честь: зане сею молитвою исповѣдуемъ Христа Сына Божія быти и Бога истина. Глаголюще: Господи Иисусе Христе, то Сына Божія исповѣдуемъ: зане единый Иисусъ Христосъ естъ Сынъ Божій а не ипъ. А глаголюще: Боже нашъ, помилуй насъ, тѣмъ исповѣдуемъ, яко Христосъ естъ истинный Богъ нашъ, яко и Отецъ и Духъ Святыи. Сего ради достоить вамъ глаголати сію молитву: Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Но и сія молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, непрекословящимъ свободна естъ къ читанію. Противящійся паки сея молитвы: Господи Иисусе Христе Боже

вашъ, узаконенію да увѣщаются, еже научитесь чести ю-
 благоговѣнно, яко отцы святыми преданную“. Относительно
 нашего стараго обычая ходить въ церковныхъ процессіяхъ
 по солнцу, патріархи постановляютъ: „преувѣдѣхомъ и сіе,
 яко въ великую субботу на утрени, егда входъ бываетъ со
 святою плащаницею окрестъ церкви, подобнѣ и во освященіи
 церкви входъ со святыми мощами около же церкви, не
 ходятъ по обычаю святыхъ восточныхъ церкви направо, къ
 востоку, но ходятъ налѣво, къ западу, мудрствующе, яко
 по солнцу подобаетъ ходити. И то несмысленно мудрствуютъ;
 зане не согласно есть съ прочими чины церковными. (Въ
 этомъ сказывается) токмо суемудріе, и мятежь, и расколъ“. Относительно
 символа патріархи заповѣдуютъ: „повелѣваемъ
 мы, православніи патріарси, со всѣмъ освященнымъ собо-
 ромъ съ великою клятвою, еже святыи символъ приимати и
 глаголати безъ прилога, якоже святіи и богоносніи отцы въ
 первомъ и во второмъ вселенскихъ соборѣхъ написаша гре-
 чески, якоже нынѣ исправлено и печатается славенски“.

Такимъ образомъ, по толкованію восточныхъ патріарховъ,
 руководившихъ московскимъ соборомъ 1667 года, и заимство-
 ванному ими у грека архимандрита Діонисія, всѣ особен-
 ности стараго русскаго обряда, несогласныя съ тогдашнимъ
 греческимъ, содержатъ въ себѣ или прямо еретическое уче-
 ніе, или представляютъ изъ себя продуктъ русскаго „не-
 смысленнаго мудрованія“, являютъ собою „токмо суемудріе,
 и мятежь, и расколъ“. Очевидно, подобный обрядъ необхо-
 димо и неизбежно долженъ былъ подвергнуться со стороны
 патріарховъ рѣшительному конечному запрещенію на все
 послѣдующее время, всякій его употребляющій, послѣ разъ-
 ясненій сдѣланныхъ соборомъ, необходимо подлежалъ цер-
 ковному отлученію и клятвѣ только за употребленіе самаго
 обряда, такъ какъ православная церковь никогда и ни подъ
 какимъ видомъ не можетъ терпѣть въ своей практикѣ та-
 каго обряда, который она сама признаетъ или прямо ерети-
 ческимъ, или за такое произведеніе „несмысленнаго мудро-
 ванія“, которое являетъ въ себѣ „токмо суемудріе, и мятежь,
 и расколъ“. Совсѣмъ другое было бы дѣло, если бы патріархи,
 вмѣстѣ съ соборомъ, признали старыи обрядъ такъ же пра-
 вославнымъ, какъ и новый, возникшимъ и выросшимъ на
 той же почвѣ вселенскаго православія, заключающимъ въ

себѣ то же строго православное ученіе, такъ что все различіе между старымъ и новымъ обрядомъ сводилось бы только къ различію внѣшней формы обряда, которая въ христіанской церкви постоянно измѣнялась и впредь можетъ измѣняться по требованію тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ, причемъ каждой отдѣльной церкви всегда принадлежало и принадлежитъ право производить извѣстныя перемѣны въ своемъ обрядѣ. При такой постановкѣ дѣла для собора тогда достаточно было бы требовать отъ всѣхъ признанія новоисправленнаго обряда, но не налагать клятвы на держащихся по привычкѣ стараго обряда только за то, что они держатся стараго обряда, тогда можно было бы окончательную замѣну стараго обряда новымъ предоставить времени, не опасаясь, чтобы отъ этого произошелъ какой либо вредъ для церкви. Но, къ сожалѣнію, указаннаго единственно правильнаго взгляда на нашъ старый обрядъ и на единственно правильное отношеніе къ нему, у руководителей собора 1667 года—восточныхъ патріарховъ вовсе не было, и потому они неизбѣжно, руководствуясь воззрѣніями грека архимандрита Діонисія, должны были безусловно и навсегда запретить употребленіе стараго обряда и наложить клятву на всякаго, кто бы впредь сталъ держаться его.

Простаго осужденія и отлученія отъ церкви всѣхъ державшихся стараго обряда было однако недостаточно, такъ какъ старообрядцы въ своемъ сопротивленіи реформъ Никона опирались на русскую церковную старину, въ ней находили свою опору, защиту и свое оправданіе. Въ виду этого, вмѣстѣ съ осужденіемъ старообрядчества, необходимо было коснуться и вопроса о русской церковной старинѣ, поскольку она служила опорой для старообрядцевъ т. е. нужно было прямо и опредѣленно сказать, оправдываетъ-ли русская старина старообрядцевъ или нѣтъ? А такъ какъ сомнѣній въ томъ, что старообрядчество дѣйствительно оправдывается русскою церковною стариною, не могло быть, то собору и пришлось позвать на свой судъ предшествующую церковную жизнь русскихъ и произнести надъ ней, главнымъ образомъ въ лицѣ Стоглаваго собора, свой компетентный приговоръ. И дѣйствительно, относительно Стоглаваго собора состоялось такое характерное соборное постановленіе: „А соборъ, иже

бысть при благочестивомъ великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отъ Макарія, митрополита московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго Креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи и о прочемъ, *еже писано неразумно, прототою и невѣжествомъ*, въ книзѣ Стоглавѣ, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша, мы православнии патріарси, Кирь Паисій, папа и патріархъ александрійскій и судія вселеннѣй, и Кирь Макарій, патріархъ антиохійскій и всего востока, и Кирь Іоасафъ, патріархъ московскій и всея Россіи, и весь освященный соборъ, тую неправедную и безразсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, но ни во что вмѣняемъ, якоже и не бысть: *зане той Макарій митрополитъ, и юже съ нимъ, мудрствоваше невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша, сами собою, не согласаяся съ греческими и древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже спросишася съ ними*". Въ другомъ мѣстѣ своихъ соборныхъ постановленій патріархи еще яснѣе и опредѣленнѣе высказываютъ тѣ мотивы, по которымъ они отмѣняютъ обязательность постановленій Стоглаваго собора и еще рельефнѣе подчеркиваютъ свою специально-греческую точку зрѣнія на русскую церковную старину. Они говорятъ, что Стоглавый соборъ никакъ не можетъ быть признанъ именно потому: „понеже не свидѣтельствованъ есть, ниже бо писаніемъ ко вселенскому патріарху и ко прочимъ святыя восточныя церкви о церковныхъ винахъ возвѣщенный, якоже обычай имать святыя церковь, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ:— ниже мѣсто блюстителейъ отъ оныхъ бысть, якоже въ правилахъ о семь писаное видѣти есть“¹⁾.

Чтобы понять всю греческую соль, заключающуюся въ приведенныхъ патріаршихъ постановленіяхъ о Стоглавомъ соборѣ, необходимо имѣть въ виду, что этотъ соборъ состоялся между прочимъ и въ силу той очень распространенной въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ мысли, что Константинополь уже потерялъ свое первенствующее и руководящее

¹⁾ Матер. для ист. раск. II, 220—221, 395.

положеніе въ православномъ мірѣ и его мѣсто заняла Москва—третій Римъ, и что въ дѣлахъ вѣры и благочестія первое мѣсто теперь принадлежитъ не грекамъ, а русскимъ. Въ виду этого Стоглавый соборъ рѣшаетъ все церковные вопросы на основаніи только тѣхъ данныхъ, какими тогда обладала русская церковь, вовсе не обращаясь къ грекамъ, какъ это было ранѣе, за совѣтомъ, указаніями, за утвержденіемъ состоявшихся своихъ соборныхъ постановленій. Но Стоглавый соборъ не просто игнорируетъ современныхъ грековъ, а и утверждаетъ въ русской церкви и обрядъ, несогласный съ современнымъ греческимъ. Это онъ дѣлаетъ конечно потому, что считаетъ нѣкоторые тогдашніе греческіе церковные обряды отступившими отъ нормы истинно православнаго древняго греческаго обряда, который, нѣкогда воспринятый русскими отъ старыхъ грековъ, у нихъ теперь только и сохранился въ прежнемъ неповрежденномъ видѣ. Вообще въ дѣятельности и постановленіяхъ Стоглаваго собора ясно и рѣшительно выражена была мысль о полной религиозно-церковной зрѣлости русскихъ, уже не нуждавшихся болѣе въ опекаѣ и водительствоѣ грековъ, о полной самостоятельности и независимости русской церкви отъ греческой, о правѣ русскихъ устроить свою церковную жизнь самостоятельно, не оглядываясь на современныхъ грековъ. Понятно отсюда, что если Стоглавый соборъ былъ особенно дорогъ для русскихъ, какъ выраженіе ихъ полной зрѣлости и самостоятельности въ церковно-религиозной сферѣ, то для грековъ, ближе познакомившихся съ характеромъ и значеніемъ въ русской церковной жизни Стоглаваго собора, онъ былъ явленіемъ крайне непріятнымъ и прямо ненавистнымъ, какъ унижавшій греческое и грековъ и на счетъ ихъ униженія безмѣрно возвышавшій русское. Занимая на соборѣ 1667 года господствующее и опредѣляющее положеніе, греки воспользовались этимъ и составили о Стоглавомъ соборѣ такое опредѣленіе, изъ котораго русскіе должны были увидать, что іерархи ихъ церкви, даже въ цѣлой своей совокупности, взявшись самостоятельно, безъ руководства и указаній грековъ, рѣшать разные церковные вопросы, дѣлали соборныя постановленія „неразсудно, простотою и невѣжествомъ“, соборныя клятвы они клали „безъ разсужденія и неправедно“, что и самъ предсѣдатель русскаго Стоглаваго

собора—митрополитъ Макарій, котораго русскіе, и вполнѣ справедливо, считали однимъ изъ замѣчательныхъ и для тогдашняго времени образованнѣйшимъ пастыремъ своей церкви, „мудрствовалъ (на соборѣ) невѣжествомъ своимъ безразсудно“, причемъ главная причина безразсудныхъ и невѣжественныхъ мудрованій и клятвъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ въ томъ именно и заключается, что они вообразили себя правоспособными дѣлать соборныя церковныя постановленія безъ всякаго участія и одобренія грековъ: „ниже со вселенскими святѣйшими патриархи о томъ совѣтоваша и ниже совопросишася съ ними“, „ниже мѣстоблюстителейъ отъ оныхъ бысть кто“. Теперь русскіе должны были торжественно-соборно признать весь періодъ своей самостоятельной церковной жизни, когда они устранили изъ нея всякое непосредственное участіе и вліяніе грековъ, періодомъ ошибокъ и заблужденій, временемъ прискорбнаго и пагубнаго уклоненія русской церкви отъ истинно православныхъ чиновъ и обрядовъ, когда по свойственному и общему всѣмъ тогдашнимъ русскимъ іерархамъ „неразумію и невѣжеству“, они, подъ видомъ возстановленія и укрѣпленія церковной старины, вводятъ въ русскую церковную практику еретическіе обряды, наивно принимая ихъ за строго православныя. Очевидно отсюда, что крайне рѣзкій и тенденціозный отзывъ о Стоглавѣ собора 1667 года былъ составленъ не русскими, а греческими іерархами. Какъ не замутились умы русскихъ современіи церковной реформы Никона, какъ не пошатнулись ихъ старыя традиціонныя возрѣнія на свою прошлую церковную жизнь, все-таки и теперь сами русскіе не могли такъ рѣзко—презрительно отнестись къ своей церковной старинѣ, къ постановленіямъ того собора, на которомъ присутствовали: русскій царь, всѣ святители русской церкви и, между ними, прославленные угодники Божіи. Даже самъ Никонъ не рѣшался открыть и прямо поднять руку на постановленія Стоглаваго собора, не рѣшался на такой шагъ и цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ 1666 года, а если это было сдѣлано на соборѣ 1667 года и притомъ въ такой рѣзкой и обидной для русскихъ формѣ, то это сдѣлали греки, а не русскіе. Русскіе іерархи только безпрекословно подписались подъ продиктованнымъ имъ греками.

Кромѣ постановленій Стоглаваго собора противники цер-

ковной реформы Никона приводили и другія основанія въ пользу защищаемой ими русской церковной старины. Въ доказательство двоеперстія они ссылались на такъ называемое Феодоритово слово и на извѣстное сказаніе о св. Мелетіѣ антиохійскомъ, въ доказательство правильности двоенія аллилуіи—на житіе св. Евфросина псковскаго и на одно сочиненіе Максима Грека, въ оправданіе русскихъ притязаній на первенство въ православномъ мірѣ — на сказаніе о бѣломъ клубукѣ. Всѣ эти сказанія, имѣвшія въ виду оправдать и утвердить особенности русскаго обряда, были рассмотрѣны патріархами и найдены ими несостоятельными, не имѣющими никакого значенія. Такъ относительно Феодоритова слова и сказанія о св. Мелетіѣ соборъ говоритъ: „а еже глаголють на святаго Мелетіа и на Феодорита, яко писаша и повелѣша они якоже знаменатися, тако и благословити архіерею, и въ томъ на св. Мелетіа и на Феодорита солгано: зане св. Мелетій три первые персты показа ради трехъ ипостасей Святыя Троицы, и паки тыя три персты совокупи ради единого Божества и бысть знаменіе; а не инако бысть показаніе перстовъ отъ святаго Мелетіа. А Феодоритъ о томъ ничтоже писа: зане велико истязаніе о томъ было во святѣй горѣ Аѳонстѣй въ лѣто 7156-е, подобнѣ, якоже и въ царствующемъ градѣ Москвѣ бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, во Святомъ Дусѣ собравшихся въ лѣто 7174-е, и не обрѣтесе въ Феодоритовѣ книзѣ такое писаніе, но солгано на него, Феодорита, отъ нѣкихъ суетумудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ“. О житіи св. Евфросина псковскаго, поскольку въ немъ находили оправданіе для двоенія аллилуіи, соборъ говоритъ: „и о еже писано въ житіи преподобнаго Евфросина, отъ соннаго мечтанія списателя, о сугубой аллилуіи, да никто тому вѣруеть, зане все тое писаніе блядивое есть, отъ лстиваго и лживаго списателя писано на прелесть благочестивымъ народомъ“. Относительно сказанія о бѣломъ клубукѣ соборъ дѣлаетъ такое постановленіе: „повелѣваемъ и писаніе, еже писано есть изъ Рима ко Генадію новгородскому архіепископу отъ Дмитрія толмача (о бѣломъ клубукѣ) и о прочихъ, да никто сему писанію вѣру имѣтъ: зане лживо и неправо есть, якоже яснѣйши возобличатся прочія его блядословія во иномъ пп-

саніи. Обаче мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ великороссійскаго государства, да носятъ бѣлыя клобуки по греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмоча, еже писа отъ вѣтра главы своея“¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ данныя, какими русскіе доселѣ оправдывали законность и правильность существованія у нихъ обряда отличнаго отъ современнаго греческаго, все, что питало и поддерживало у нихъ доселѣ представленіе о рѣшительномъ превосходствѣ русскаго благочестія предъ современнымъ греческимъ, подверглось со стороны грековъ суровому соборному осужденію.

Но отлученіемъ отъ церкви и наложеніемъ клятвы на всѣхъ старообрядцевъ соборъ 1667 года, руководимый восточными патріархами, не ограничился, а предалъ старообрядцевъ и градскому суду. На рѣшеніе собора поставленъ былъ вопросъ: „аще еретики и раскольники, подобають-ли наказатися градскимъ закономъ, или токмо церковнымъ наказаніемъ?“ Соборъ на это отвѣчаетъ: „ей подобають ихъ наказати и градскимъ наказаніемъ“ и приводитъ затѣмъ рядъ примѣровъ изъ греческой исторіи, когда соборы повелѣвали „наказать злочестивыхъ и градскимъ закономъ, и казнить ихъ разнымъ томленіемъ и различныя муки, и сице овымъ языки отрѣзоша, овымъ руже отсѣкоша, овымъ уши и носы, и позориша ихъ по торгу, и потомъ сослани быша въ заточеніе до кончины ихъ“. Въ виду такихъ примѣровъ изъ греческой исторіи соборъ заключаетъ: „се убо познаемъ отъ сихъ, яко еретики и раскольники нетокмо церковнымъ наказаніемъ имуть наказатися, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и наказаніемъ“. Сообразно съ такимъ рѣшеніемъ собора патріархъ Іоасафъ обратился къ царю Алексѣю Михайловичу отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора съ заявленіемъ, что они, царскіе богомольцы, употребили, съ своей стороны, всѣ усилія, согласно лежащимъ на нихъ обязанностямъ, „взыскати злокозненныя расколочальники, великій мятежъ въ церкви Божіи творящія“, которыхъ „обрѣтше и Христовою благодатію емше, пастырски прежде поучахомъ проповѣдію слова Божія, и по

1) Ibid.—222, 233, 237, 269, 273—275.

святому апостолу Павлу, настояхомъ благовременнѣ и безвременнѣ, обличахомъ, запрещахомъ, молихомъ со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“, но не смотря на это, нѣкоторые, хотя и не многіе, остались упорны въ своихъ заблужденіяхъ, почему и были преданы соборомъ анаѳемѣ. Теперь патріархъ, отъ лица собора, обращается къ царю съ моленіемъ: „да крѣпкою десницею твоею защитиши церковь Божію отъ нихъ, да мстиши имъ безбожное ратованіе, и оборониши овцы стада Христова отъ зубъ ихъ волчїихъ, да не ктому бѣгають и рыкають, во еже что восхитити и поглотити“¹⁾.

Значить, соборъ 1667 года, подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ, не только подвергъ проклятію и отлученію отъ церкви всѣхъ тѣхъ, кто бы теперь сталъ держаться стараго обряда, но и потребовалъ отъ свѣтскаго правительства, чтобы и оно, съ своей стороны, подвергло всякимъ преслѣдованіямъ всѣхъ приверженцевъ стараго обряда, усиленно доказывая ему, что въ этомъ заключается его прямая обязанность относительно церкви, что такъ съ церковными противниками всегда поступали благочестивые греческіе цари, которымъ должны обязательно подражать въ этомъ случаѣ и благочестивые русскіе цари.

Итакъ, восточные патріархи соборно признали и утвердили: а) что наши старообрядцы большіе и опасные еретики; б) что ихъ, какъ еретиковъ, нужно отлучить отъ церкви и подвергнуть анаѳемѣ; в) что не только ихъ слѣдуетъ отлучить отъ церкви и анаѳематствовать, но еще и подвергнуть всевозможнымъ градскимъ казнямъ, чтобы этими суровыми мѣрами искоренить ихъ окончательно. Значить, бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи не только закрѣпили и санкціонировали существованіе у насъ старообрядчества, какъ отдѣльнаго отъ православной церкви очень зловреднаго и опаснаго по своему еретичеству религіознаго общества, но и настояли на томъ, чтобы свѣтское правительство и въ будущемъ всячески преслѣдовало и жестоко казнило ихъ, пока не искоренить ихъ окончательно, чѣмъ восточные два патріарха и на все будущее время узаконили, такъ ска-

¹⁾ *ibid.*—373—375. Грамата московскаго патріарха Іоасафа къ государю напечатана въ приложеніи.

зять, благословили и освятили политику всяческихъ преслѣдованій старообрядцевъ со стороны государственной власти.

Конечнымъ осужденіемъ, какъ еретическихъ, извѣстныхъ русскихъ обрядовъ, за которые стояли старообрядцы, суровымъ осужденіемъ всей вообще русской церковной старины, поскольку она разошлась, хотя бы и въ безразличныхъ мелочахъ съ практикою тогдашней греческой церкви, восточные патріархи не удовлетворились, а постарались болѣе широко и подробно пересмотрѣть всю вообще русскую церковно-богослужебную практику и соединенные съ нею вѣковые народные обычаи, чтобы осудить и уничтожить въ нихъ все, въ чемъ они отступали отъ тогдашней греческой практики и греческихъ тогдашнихъ обычаевъ. Во всѣхъ русскихъ церковныхъ и даже простыхъ житейскихъ обычаяхъ, не согласныхъ съ тогдашними греческими, патріархи обыкновенно видятъ, по выраженію соборныхъ актовъ, или „суемудріе и расколъ“, или: „суемудріе, мятежь и расколъ“, или: „суемудріе и безчиніе“, или: „безчиніе и безумствованіе“. Такъ, на примѣръ, патріархи заявляютъ и постановляютъ: „слышахомъ, яко здѣ въ Россіи священницы святія дары въ великій входъ подъемятъ не по чину, премѣняютъ руцѣ и емлютъ святыи потиръ лѣвою рукою. И то творятъ не по уставу: зане токовой чинъ нигдѣ не обрѣтается писанъ, ниже: святая восточная церковь таковой обычай имать, ниже таинства яко являетъ сіе премѣненіе рукъ, *только суетмудріе и расколъ*. Еще же: чесо ради діакони кропятъ святою водою и въ домахъ, а не священницы? *И то безчинно есть*. Священникъ бо святитъ воду: ему же достоинъ и кропити; діаконъ же только да держитъ сосудъ со святою водою, зане слуга есть“. Или: „повелѣваемъ, чтобы не погружати въ купели свѣщи въ началѣ дѣйства святаго крещенія, зане сіе преданіе и чинъ не есть во святія восточныя церкви, и таинства никакаго являетъ, *только суетмудріе и безчиніе*. Но да творятъ по чину святія восточныя церкви: быти окрестъ купели тріемъ свѣщамъ, на свѣщницѣхъ возженнымъ, до совершенія дѣйства: зане сіе являетъ и таинство. А погружати свѣщи и дѣйствовать безъ возженія свѣщъ (окрестъ купели) *не есть таинство, только безчиніе и безумствованіе*“. Или: „еще же повелѣваемъ и заповѣдуемъ, яко въ праздникъ

святыхъ Богоявленій, въ дѣйство освященія водъ, никтоже да погружаетъ свѣщъ въ водѣ прежде погруженія честнаго Креста: зане и сіе есть безчинно, а не по уставу и преданію святыхъ восточныхъ церкви“... Или: „слухъ нашъ есть и о семъ, яко здѣ, въ Россіи, въ божественной литургіи въ чтеніи апостола всякій священникъ сидитъ на священносопребстолий, сирѣчь на горнемъ мѣстѣ. *И то пребезаконно и прелюбодѣянне есть*: зане то архіереовъ мѣсто и сѣдалище есть и сущій престолъ и невѣста его; и не токмо священникомъ или архимандритомъ подобаетъ сидѣти на горнемъ мѣстѣ, но ниже архіереомъ въ чужихъ епархіяхъ ни въ какой церкви возможно сидѣти на горнемъ мѣстѣ, ниже самому патріарху... Повелѣваемъ убо, и сіе безчиніе да престанеть. Аще ли кто дерзнетъ отнынѣ сіе вышеписанное безчиніе творити и безаконіе, *да будетъ чуждъ священства*“.

Нормою для всей практики русской церкви, должна служить практика тогдашней греческой церкви, почему патріархи осуждая и отрицая тотъ или другой установившійся русскій обычай, не согласный съ тогдашнимъ греческимъ, обыкновенно говорятъ, обращаясь ко всему русскому духовенству: „да творятъ по чину восточныхъ (т. е. тогдашней греческой) церкви“; или: „яко же обычай есть и въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ“; или: „вѣдомо творимъ и сіе, яко во святой великой церкви Константинопольской и въ прочихъ патріархіяхъ“ бываетъ такъ-то, значить, такъ должно быть впредь и у русскихъ. Или: „яко же чинъ держится издревле во всѣхъ святыхъ церквахъ въ восточныхъ странахъ, и въ Кіевѣ и повсюду, опричь московскаго государства“, то и въ послѣднемъ долженъ соблюдаться такой же чинъ, а не свой. Патріархи требуютъ, чтобы въ московскомъ царствѣ священники и діаконъ обязательно носили постоянно скуѣи, такъ какъ, говорятъ они „въ нашихъ странахъ священники и діаконъ носятъ различныя священническія шапки и никогда ея съ головы не снимаютъ, кромѣ егда сами служатъ священную литургію“. Поэтому и русскіе священники и діаконъ должны постоянно носить свои скуѣи. Но, замѣчаютъ при этомъ патріархи, „аще же кто отъ священниковъ и діаконъ восхошетъ носити шапки, якоже носятъ наша страна священники и діаконъ, не возбраняемъ, но и соизволяемъ и благословляемъ“. Или:

„причащаются пресвятыя крове отъ потира по прежнему по трижды, какъ *причащаются вселенскіе патріархи*, папа и патріархъ Паисій александрійскій, Макарій антиохійскій и како напечатано въ Служебникахъ. А мірскихъ людей причащати пресвятаго тѣла и крови отъ патира лжицею по единожды, *по обычаю греческія церкви*“.

Какъ сильно было стремленіе у бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ все церковное древне-русское замѣнить современнымъ греческимъ, это, между прочимъ, видно изъ того, что даже относительно обычной одежды патріархи заповѣдываютъ всѣмъ русскимъ священнаго чина и монахамъ: „одѣяніе да носятъ, якоже вси носятъ освященнаго чина и монахи святаго восточнаго церкви (т. е. греческіе)“, и полагаютъ очень суровое наказаніе тѣмъ, кто бы сталъ порицать духовныхъ русскихъ лицъ, носящихъ греческія одежды! „Аще ли же кто, говорятъ патріархи, станетъ укоряти носящихъ греческія одежды, таковой, аще отъ священнаго чина будетъ, *да извержется*, аще ли отъ мірскаго, *да будетъ отлученъ*“. Такія свои чрезвычайныя постановленія патріархи мотивируютъ тѣмъ, „якобы во святой соборной церкви было единомысліе и согласіе во всемъ, якоже во священнодѣйствіи, и во священныхъ ризахъ и во прочихъ церковныхъ чинахъ, тако же быти согласію и во всякихъ одѣяніяхъ, иже носимъ“.

Какъ властно и авторитетно держали себя на соборѣ у насъ восточные патріархи, это видно изъ нѣкоторыхъ ихъ соборныхъ заявленій. Такъ требуя, чтобы монашескому постриженію предшествовалъ трехлѣтній искукъ въ монастырѣ, патріархи грозно заявляютъ: „преслушающіи же сію *нашу заповѣдь и правило* наказани да будутъ запрещеніемъ и отлученіемъ“. Или: „толкуемъ же *мы, два патріархи*, сіе правило 318 богоносныхъ отецъ“ такъ-то. Или: „*хотемъ зубо мы и повелѣваемъ*, яко отпныѣ осужденныхъ разбойниковъ и татей“...

Справедливость требуетъ однако признать, что восточные патріархи властно и рѣшительно уничтожая всѣ особенности русской церковной практики, несогласныя съ тогдашнею греческою практикою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили однако возможнымъ сдѣлать въ пользу нѣкоторыхъ русскихъ обычаевъ уступки, очень характерныя для самихъ

патріарховъ и ихъ соборной тактики. Въ соборныхъ постановленіяхъ патріархи говорятъ: „вѣдомо намъ есть и сіе, яко изволеніемъ благочестивыхъ царей и великихъ князей нѣщы отъ архимандритовъ во святую литургію дѣйствуютъ и осѣняютъ со свѣщами, яко же и архіереи. А того чина во святой восточной церкви нѣсть, и неприлично архимандритамъ архіерейская дѣйствовать. Обаче, ради царскихъ и великихъ князей изволенія, того не возбраняемъ, яко же и серебряныя злащенныя шапки, подобны митрамъ, ради прошенія благочестивѣйшаго и самодержавнѣйшаго государя нашего, царя и великаго князя Алексіа Михайловича, не возбранихомъ“. О митрополитичьхъ бѣлыхъ клобукахъ патріархи постановляютъ: „архіепископи, и епископи, и архимандрити и прочіи власти, священномонахи и монахи да носятъ черныя клобуки, а митрополитомъ снисхожденіемъ изволихомъ носити имъ и бѣлыя клобуки, ради нѣкотораго древняго обычая великороссійскаго государства (аще и тѣ извѣты, иже глаголють о бѣломъ клобукѣ, и не суть правы). Обаче же повелѣхомъ имъ бѣлыя клобуки посити во образъ греческаго чина, яко же носятъ всѣ гречестіи и прочіи православніи архіереи, да будетъ миръ и тишина и единомысліе во святой православной церкви“. Ранѣе патріархи соборно постановили, что въ монахи и въ монахищи можно постригать не иначе, какъ послѣ предварительнаго трехлѣтняго искуса въ монастыряхъ, но послѣ къ этому постановленію дѣлаютъ такое добавленіе: „а знатныхъ и вѣдущихъ людей постригати по разсмотрѣнію настоятеля“.

Понятно, почему патріархи сдѣлали указанныя уступки нѣкоторымъ особымъ русскимъ церковнымъ обычаямъ. Такъ они поступили потому, что указанныя уступки касались особыхъ внѣшнихъ отличій и преимуществъ важныхъ духовныхъ особъ, какія имъ дарованы были русскими государями. Отмѣнить эти отличія патріархи, хотя и признавали ихъ незаконность, однако не рѣшились, такъ какъ это было бы, съ одной стороны, неприятно государю, который желалъ сохранить ихъ; съ другой стороны, отмѣной этихъ отличій патріархи больно задѣли бы самолюбіе разныхъ знатныхъ и высокихъ духовныхъ персонъ, всегда очень чувствительнымъ ко всякимъ внѣшнимъ видимымъ отличіямъ. А раздражать и вооружать противъ себя русскихъ духовныхъ санов-

ныхъ лицъ патріархи и не желали и не рѣшались, а потому и пошли въ пользу ихъ на уступки и послабленія.

Что восточные патріархи, бывшіе въ Москвѣ, осуждая и унижая русскую церковную старину, въ чемъ она была несогласна съ тогдашнею греческою церковною практикою, дѣйствовали въ этомъ случаѣ вполне сознательно и потому тенденціозно, преслѣдуя свои особыя спеціальныя цѣли, къ православію или неправославію старыхъ русскихъ обрядовъ не имѣющія никакого отношенія, это не только съ очевидностію доказывается всеѣмъ характеромъ ихъ соборныхъ заявленій и постановленій о русскихъ церковныхъ особенностяхъ, но и собственнымъ ихъ прямымъ сознаниемъ, какое они откровенно выразили въ своемъ письмѣ къ константинопольскому патріарху при своемъ отъѣздѣ изъ Москвы. Въ этомъ письмѣ патріархи между прочимъ пишутъ: „просихомъ многихъ лѣтъ достойнѣйшаго царя, дабы были особному нѣкому извѣщенію и изъявленію чрезъ свои ему грамотоносцы *о всѣхъ здѣ бывшихъ вашей пресвятости*“ т. е. намекаютъ, что русскіе, по инициативѣ ихъ—патріарховъ Паисія и Макарія, дадутъ особый отчетъ въ своихъ послѣднихъ церковныхъ дѣйствіяхъ константинопольскому патріарху, какъ своей высшей церковной инстанціи. Затѣмъ патріархи, характеризуя свою московскую дѣятельность, откровенно пишутъ: „обаче и обычной милостыни великому престолу, и прочимъ убогимъ престоламъ даянной, надѣмся обновитесь. паче же большой и довольнѣйшей быти; и о томъ всеѣми силами тщимся, дондеже соверпится, сирѣчь воеже бы исполнитися оной притчѣ: яко братъ братомъ пособствованъ спасается, и да друзи будутъ въ пуждахъ полезни. Прилагаемъ же нѣчто ино, нашего ради общаго утѣшенія: яко съ нашимъ пришествіемъ средостѣніе вражды разрѣшился и повсядневнаго плѣна извѣтъ погибе тако, *воежебы паки надѣятися намъ прити ко прежней нашей свободѣ, чести и славы, юже древле имѣхомъ*. Понеже здѣ нѣцны со своими буйствы и неистовствы обезчестиши рода нашего преизящную святлости, того ради сотворишася у велможъ достойни презрѣнія и отверженія. Обаче тщахомся и по вся дни молимъ, да извергнутся изъ среды, и весьма отложатся уметы, *чести ради общія и лѣпноты рода нашего*“.

Такимъ образомъ патріархи, Паисій и Макарій, сами при-

знають, что они имѣли въ виду своими дѣйствіями въ Москвѣ уничтожить существовавшія у русскихъ подозрѣнія и нареканія на современныхъ грековъ, имѣли въ виду снова возвысить и укрѣпить въ мнѣніи русскихъ совсѣмъ было пошатнувшійся авторитетъ современныхъ грековъ, и что именно къ этому клонилась и ихъ соборная и вся вообще московская дѣятельность, въ чемъ они, по ихъ мнѣнію, и имѣли успѣхъ. Слѣдовательно, соборно-публичное осужденіе и униженіе русской церковной старины, поскольку она расходилась съ тогдашнею греческою практикою, было, въ глазахъ патріарховъ, однимъ изъ средствъ на счетъ униженія стараго русскаго возвысить современное греческое, было дѣломъ греко-восточнаго патріотизма, возвышавшимъ этимъ путемъ „лѣпоту рода греческаго“, приводившимъ грековъ „къ чести и славѣ, юже древле имѣхомъ“.

А между тѣмъ, если бы восточные, бывшіе въ Москвѣ, патріархи отнеслись къ дѣлу не тенденціозно, болѣе внимательно и безпристрастно, они имѣли бы возможность составить правильное представленіе о старомъ русскомъ обрядѣ и отнестись къ нему иначе, нежели какъ отнеслись въ дѣйствительности. Въ ихъ рукахъ находились такія данныя, опираясь на которыя, они могли установить настоящій правильный взглядъ на старыи русскій обрядъ и проявить къ нему болѣе правильное отношеніе.

Прежде всего: въ сочиненіи грека архимандрита Діонисія, изъ котораго патріархи дѣлали большія дословныя заимствованія при своихъ соборныхъ указаніяхъ на неправославное ученіе, будто бы заключающееся въ старомъ русскомъ обрядѣ, находятся и такія мѣста, которыя говорятъ, что такъ смотрѣть на старыи русскій обрядъ, какъ посмотрѣли на него два восточные патріарха, значитъ не знать христіанской церковной древности вообще и въ частности исторіи обряда въ самой православной греческой церкви. Наши первые старообрядцы, какъ извѣстно, въ оправданіе двоеперстія ссылались на свидѣтельство нѣкаго грека—Петра Дамаскина, который говоритъ о двоеперстномъ сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи у православныхъ старыхъ грековъ. По этому поводу архимандритъ Діонисій пишетъ: „слышите о семъ и разумѣйте, едино убо: яко сего Петра Дамаскина книга нѣсть всѣмъ пріятна, ниже является

въ мѣрѣ; второе же: яко Петръ токмо о двою перстахъ бесѣдуетъ, ради втораго и третьяго глаголетъ, яко знаменуютъ та два перста два естества Христова, но за прочіи три персты не мудрствуетъ, ниже глаголетъ что. И негли аще и въ каковыхъ странахъ тамошнихъ потребовали внѣшнихъ временѣхъ сіе сложеніе двуперста ради еретиковъ единовольниковъ, а послѣди преста, яко же и ина многа дѣла, яже первое быша повелѣно отъ святыхъ отецъ тако, а послѣди такожде святіи отцы повелѣша инако-лучше. Пишетъ и святой Іоаннъ Златоустый въ бесѣдахъ на евангелиста Маттея въ пятьдесятъ четвертомъ правоученіи о крестѣ, листъ 91, цѣну креста глаголя: ниже бо простѣ *перстомъ начертати его подобаетъ*, но первѣе произволеніемъ со мною вѣрою, аще и сице вообразить его зрѣніе, никто же близъ тебе стати возможетъ отъ нечистыхъ духовъ. Се, яко по Златоусту, *и единымъ перстомъ знаменовашеся людіе крестнымъ знаменіемъ нѣкогда*, послѣди преста; и то, якожь и многая правала обрѣтаются, въ помѣстныхъ соборахъ повелѣвають тако, а послѣди, на вселенскихъ соборахъ повелѣша инако. Егда и въ томъ да речемъ, яко святіи отцы сопротивляются между собою? Небуди; токмо по потребѣ времени еще законоположиша Духомъ Святымъ, якожь и первое. Божественная литургія отъ святаго апостола Іакова, брата Божія; списася больше и ины чины имяше; послѣди Виликій Василій сократи и чины украси, и паки: блаженный Златоустъ еще сократи. Великій Аванасій пишетъ въ правилахъ своихъ: мѣрскій священникъ, аще пострижется монахомъ и потомъ будетъ служить литургію, да будетъ анаѣема; а нынѣ ветокмо служатъ аки священники, но и архіереи бывають. И еда да речемъ и о семь, яко противно сатворяють и пишутъ святіи отцы? Никако“.

Такимъ образомъ архимандритъ Діонисій доказываетъ, что во времена Златоуста крестное знаменіе дѣлали однимъ перстомъ, а потомъ, по требованію времени, „ради еретиковъ единовольниковъ“, стали употреблять двоеперстіе, оставивъ старое одноперстіе, и уже послѣ, чтобы въ сложеніи перстовъ выразить свое вѣрованіе въ Св. Троицу, оставивъ двоеперстіе, стали употреблять и троеперстіе, которое, значитъ, является, сравнительно, самую позднѣю формою перстосложенія, и что всѣ три указанныя формы перстосложенія

одинаково православны и одинаково употреблялись православною греческою церковію за различное время ея существованія. Вообще, по мнѣнію архимандрита Діонисія, въ предѣлахъ православной церкви одновременно могутъ существовать болѣе или менѣе значительныя различія въ церковныхъ чинахъ о обрядахъ, но только до тѣхъ поръ, пока эти различія не служатъ предметомъ споровъ и распрей. Въ послѣднемъ случаѣ, въ видахъ прекращенія споровъ, церковь устанавливаетъ какой-либо одинъ опредѣленный чинъ и обрядъ, и уже послѣ этого настоятельно требуетъ отъ сыновъ своихъ твердо держаться ею установленнаго, отменяя все другое, хотя бы ранѣе тоже употреблявшееся въ православной церкви и по существу такъ же православное, какъ и вновь установленное. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, архимандритъ Діонисій приводитъ очень яркій и убѣдительный примѣръ. „Въ обычай и преданіе во святой церкви, говоритъ Діонисій, и служажу тремъ просфорами, а ины четырьми, ины пяти, ины шестью и седмію просфорами; также и частицы святыхъ изимаша: иніи пятьнадесять частиць, иніи дванадесять, иніи девять, иніи едину. Многое время сей чинъ и обычай бываше во святой церкви, якожь видится во святой горѣ Аѳонстѣй писано во многихъ рукописныхъ древнихъ книгахъ, и не имѣяшу въ томъ до времени ни единаго зазрѣнія и соблазна. Посемъ, отъ нѣкоего времени, начинаху преніе творити и глаголати кійждо: иный—азъ добръ творю четырьми просфорами за четыре евангелисты, кіи списаша святое Евангеліе и предаша сію тайну; иніи—мы съ пятію просфорами лучше ради пяти хлѣбовъ, еже благослови Христосъ и насыти пять тысящъ; иніи паки похвалиша свой обычай за шесть и за семь просфирь, кійждо глаголаху оно, еже показася имъ прилично. Также и о частицахъ: иніи дванадесять частиць, иніи девять похвалиша, иніи пятьнадесять, иніи едину; и елико не бѣ любопреніе въ церкви, быша вся добра и богоугодна. А когда начаша быти соблазны и любопренія въ церкви, тогда и святіи отцы разсудиша и повелѣша быти всѣмъ во единомъ чинѣ и обычаи, яко да престануть любопренія и соблазны отъ невѣждъ и простыхъ человекъ, и сице повелѣша и изобразиша, яко всѣмъ съ пятію просфорами совершати божественную ли-

тургію ради пяти хлѣбъ, иже благослови Христось, якоже и на бдѣніи въ благословеніи хлѣбовъ бываетъ. Аще ли Христось благослови иногда и седмь хлѣбовъ, но насытиса менше народа, токмо четыре тысячи, и ошашася и менше укруповъ, токмо седмь спіридъ, а пятми хлѣбами пять тысящъ народа насытиса и ошашася окрухи болши 12 кошницъ полныхъ. Сего ради о семъ болшее чудодѣяніе предсудиша святіи отцы совершатиса божественной литургіи пятми просфорами. Такожде повелѣша и о частицахъ токмо девять изимати ради девяти чиновъ небесныхъ силъ, по святому Діонисію Ареопагиту. Царскимъ путемъ ходиша святіи отцы во время подобающее, ниже долѣ ниже горѣ, токмо посредственно и царскимъ путемъ: въ просфорахъ ниже седмь, ниже шесть, ниже четыре, ниже три, но пятми. Сице и въ частицахъ, ниже пятнадцать, ниже дванадцать, ниже едину, но девять,—сущее все Святыи Духъ просвѣти имъ. Такожде и вознаменованіе образа частнаго креста знаменатиса трети первыми персты. Аще и быша нѣкогда и знаменовашася людіе единымъ перстомъ, по Златоустовѣ бесѣдѣ, или двумя персты, по Петру Дамаскину, но трети персты апостольское есть преданіе неписанное, яко свидѣтельствуеть божественный василій Великій. Обаче святіи отцы сіи утвердиша знаменатиса трети персты, яко же сіе вѣщаніе добраго преданія изыде во всю вселенную, и вездѣ всѣ православніи христіане трети персты знаменуютъ себе образомъ честнаго креста“.

Правда, самъ авторъ, архимандритъ Діонисій, изъ приведенныхъ историческихъ справокъ и указаній, не только не сдѣлалъ надлежащихъ правильныхъ выводовъ, а увлекаясь желаніемъ унизить русскую церковную старину, ради возвышенія современнаго греческаго, сдѣлалъ выводъ, съ указанными имъ же самимъ историческими данными совершенно несогласный, что будто бы русское двоеперстіе еретическаго происхожденія и содержитъ въ себѣ несомнѣнное еретическое ученіе, и потому никакъ не можетъ быть допустимо въ практикѣ православной церкви. Но Діонисій былъ частнымъ лицомъ и по тому или другому вопросу могъ думать и писать, какъ ему хотѣлось. Другое были два восточные патріарха, у которыхъ подъ руками было сочиненіе Діонисія. Они выдавали себя въ Москвѣ за правомочныхъ представителей

всей греко-восточной церкви, считали себя высшими духовными судьями и рѣшителями русскихъ церковныхъ дѣлъ. всѣмъ своимъ сужденіямъ и постановленіямъ придавали окончательный безапелляціонный характеръ, и потому должны были особенно осторожно и осмотрительно отнестись къ русской церковной старинѣ, строго и основательно предварительно провѣрить и твердо установить: дѣйствительно ли она представляетъ изъ себя только продуктъ русскаго невѣжества, русскаго неразумія и еретическаго мудрованія, или она есть остатокъ самой же греческой православной старины, только замѣненной у позднѣйшихъ грековъ другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ условіямъ и требованіямъ ихъ жизни? Но патріархи не только не производили въ этомъ направленіи какихъ либо изысканій и изслѣдованій, но у нихъ даже и не возникало подобныхъ вопросовъ, почему они на указанныя нами мѣста изъ сочиненія Діонисія не обратили вниманія, какого тѣ однако вполне заслуживали и могли бы впустить имъ болѣе безпристрастный и справедливый взглядъ на русскую церковную старину и на отношеніе къ ней.

Въ своемъ соборномъ дѣяніи 1667 года патріархи говорятъ: „эпистоля, еже писана отъ нашего брата, святѣйшаго киръ Паисія, архіепископа Константинопольскаго, новаго Рима, и селенскаго патріарха, о нѣкоторыхъ церковныхъ вещахъ по вопросамъ, и отвѣты, якоже отъ нашего брата, святѣйшаго Паисія патріарха и отъ того священнаго собора написано есть, тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ“. Но мы уже знаемъ ¹⁾, что константинопольскій патріархъ съ соборомъ, отвѣчая Никону на его вопросы о церковно-обрядовыхъ особенностяхъ русской церкви, не только не называлъ ихъ еретическими, или просто неправыми, но и не потребовалъ отъ Никона, чтобы онъ отмѣнилъ ихъ существованіе въ русской церкви и замѣнилъ ихъ тогдашними греческими, съ которыми они были несходны. Наоборотъ, какъ я уже говорилъ, константинопольскій патріархъ вмѣстѣ съ соборомъ желали умѣрнить и ввести въ должныя границы реформаторскій пылъ Никона, старались внушить ему, что нѣкоторое различіе въ церковныхъ чинахъ, обрядахъ и

¹⁾ См. первый томъ настоящаго моего изслѣдованія, стр. 165—179.

обычаяхъ существовало въ христіанской церкви съ древнѣйшихъ временъ, существовало и позднѣе, можетъ существовать и сейчасъ, но это нисколько не вредитъ единству вселенской православной церкви, какъ оно не вредило ранѣе. То обстоятельство, что помѣстные православныя церкви имѣютъ у себя свой помѣстный церковный чинъ и обрядъ, говоритъ грамота константинопольскаго патріарха и собора, „не должно производить никакого раздѣленія, если только сохраняется неизмѣнно одна и таже вѣра... Не слѣдуетъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ, или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ католическою церковію“. Въ виду этого константинопольскій патріархъ и соборъ убѣждаютъ Никона прекратить полемику и всякія препирательства и споры о неважныхъ и не существенныхъ для вѣры церковно-обрядовыхъ разностяхъ: „умоляемъ именемъ Господа нашего Иисуса Христа, да прекратить (указанные споры) твое блаженство, съ свойственной тебѣ разсудительностію: рабу бо Господню не подобаетъ свариться (2 Тим. 11, 24), и особенно въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры“. Понятно, что если бы предсѣдательствовавшіе у насъ на соборѣ патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій, дѣйствительно были единомысленны съ константинопольскимъ патріархомъ и его соборомъ, то они никакъ бы не могли, вопреки константинопольскому патріарху и собору, признать старый русскій обрядъ еретическимъ и недопустимымъ въ православной русской церкви, не могли бы придать отлученію и анаѳематствованію держащихся стараго русскаго обряда. А между тѣмъ они это сдѣлали и тѣмъ открыто заявили, что они въ своей соборной московской дѣятельности шли инымъ, своимъ путемъ, а не тѣмъ, какой имъ указанъ былъ въ еписколіи константинопольскаго патріарха Паисія и его собора.

Былъ подъ руками патріарховъ Паисія и Макарія и еще матеріаль, который давалъ имъ возможность разрѣшить вопросъ о русскомъ старообрядчествѣ болѣе правильно и безпристрастно. Это дѣяніе собора русскихъ іерарховъ 1666 года

по дѣламъ старообрядчества, переданныя на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Изъ этихъ соборныхъ дѣяній патріархи могли видѣть, что русскіе іерархи нигдѣ и ни разу не назвали старые русскіе чины и обряды неправыми, а тѣмъ болѣе еретическими, недопустимыми въ православной церкви, и что русскіе іерархи осудили и осуждали старообрядцевъ не за то, что они держались старыхъ дониконовскихъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, но только за то, что они всюду проповѣдывали и писали, „яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и неблагочестна“. Не хуля и не порицая старыя русскія церковныя книги, чины и обряды, соборъ русскихъ іерарховъ въ то же время требовалъ отъ всего духовенства и пасомыхъ, чтобы они держались новисправленныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, и за нарушеніе этого предписанія, равно какъ и всякихъ правилъ церковнаго благочинія вообще, грозилъ послушникамъ обычнымъ административнымъ наказаніемъ, а не отлученіемъ и анаѳематствованіемъ. Понятно отсюда, какое глубокое различіе въ отношеніи къ русскому старообрядчеству сказалось въ дѣяніяхъ чисто-русскаго собора и въ дѣяніяхъ собора подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ. Понятно также, что отъ пришлыхъ въ Москву восточныхъ патріарховъ позволительно было ожидать, что они, въ интересахъ церковнаго мира и простаго безпристрастія, обратятъ вниманіе на осторожный и тактичный образъ дѣйствій русскихъ іерарховъ относительно старообрядчества и пойдутъ по пути, уже предложенному русскими іерархами. Такъ поступить имъ слѣдовало тѣмъ болѣе, что засѣдавшіе на соборѣ, подъ ихъ предсѣдательствомъ, русскіе іерархи еще недавно сами всѣ держались старыхъ книгъ, обрядовъ и чиновъ, нисколько не думая и даже не подозрѣвая, что они держались неправыхъ и прямо еретическихъ обрядовъ, что этими обрядами они выражали еретическое заключающееся въ нихъ ученіе. Конечно, большинству русскихъ членовъ собора было, несомнѣнно, крайне больно и тяжело признать, что русская церковь, хотя и несознательно, за время своей независимой отъ грековъ жизни, впала однако въ еретичество, ко-

торое, если бы не спасители-греки, грозило совсѣмъ замутить православіе на Руси,—очевидное неразуміе всѣхъ русскихъ, при такомъ пониманіи дѣла патріархами, было дѣйствительно поразительно. Но несмотря на все это, вслѣдъ за восточными патріархами, и всѣ присутствовавшіе на соборѣ русскіе іерархи безпрекословно подписались подъ соборными опредѣленіями, грубо—рѣзко осуждавшими русскую церковную старину. Почему русскіе іерархи легко и скоро не только отказались отъ своей родной церковной старины, которую равнѣе они такъ глубоко и даже преувеличенно чтили и прославляли, а затѣмъ вмѣстѣ съ греками сурово-порицательно осудили ее—по неимѣнію данныхъ сказать что либо опредѣленное, трудно. Можно думать, что царь Алексѣй Михайловичъ, вызвавшій въ Москву восточныхъ патріарховъ, видѣлъ въ нихъ достойныхъ представителей тѣхъ древнихъ іераршихъ кафедръ, на которыхъ нѣкогда возсѣдали знаменитые и великіе святые отцы и учителя вселенской церкви, что онъ и на бывшихъ въ Москвѣ ихъ преемниковъ по кафедрѣ переносилъ традиціонно воспитанное въ немъ величайшее почтеніе и преклоненіе предъ ихъ высшимъ церковнымъ авторитетамъ и, самъ преклоняясь предъ ними, безусловно подчиняясь имъ, какъ непререкаемымъ авторитетамъ въ дѣлахъ церкви, того же требовалъ и отъ русскихъ іерарховъ. Съ другой стороны, русскіе архіереи, вслѣдствіе отсутствія у нихъ какого-бы то ни было правильнаго образованія, знаній и умѣнья самостоятельно разбираться и рѣшать возникающіе церковные вопросы, какъ-то терялись въ такихъ случаяхъ, искали опоры и поддержки или со стороны, или въ старыхъ традиціяхъ и преданіяхъ, или у людей болѣе ихъ образованныхъ и свѣдущихъ, не отваживаясь сами сдѣлать какой либо самостоятельный шагъ. Такъ, новый московскій патріархъ Іоасафъ и съ нимъ всѣ русскіе архіереи обратились на соборѣ къ восточнымъ патріархамъ съ рядомъ вопросовъ, которые, очевидно, они сами не умѣли порѣшить своими собственными силами. Какого рода были эти вопросы, хорошо видно изъ слѣдующаго: „Вопросъ 1-й. Въ день пятидесятный на сошествіе Святаго Духа, егда чтутъ молитвы колѣнопреклоненныя, къ западу ли обратятся, къ народу ли, или на востокъ, чести?“ Отвѣчая на этотъ глубокомысленный вопросъ, патрі-

архи повелѣли читать молитвы обратясь на западъ, къ народу, но при этомъ прибавили: „а инья чтуть обратясь и на востокъ“, т. е. отвѣтили: оборачивайтесь куда хотите. Второй вопросъ былъ такого рода: „о благовѣсту во все лѣто по приходскимъ церквамъ къ литургіямъ, како быти и въ кое время?“ На вопросъ: „ектенія сугубая и молитвы въ великій постъ четвертыя недѣли съ среды на златоустовыхъ и василіевыхъ службахъ, говорити ли въ субботу и въ недѣлю?“ Патріархи давая свой отвѣтъ замѣчаютъ: „а этаго у нихъ въ греческихъ служебникахъ не написано“, а потому и не слѣдуетъ такъ поступать. Или, на примѣръ, наши іерархи сами не умѣли рѣшить слѣдующаго вопроса, который они предложили патріархамъ: „Никонъ монахъ, будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ патріархомъ, которыхъ посвящалъ въ архимандриты, и во игумены, и въ попы и во дьяконы въ Воскресенской монастырь и во инья монастыри своего строенія, како имъ впредь быти?“—При такомъ отношеніи русскихъ архіереевъ къ разнымъ церковнымъ вопросамъ, исполнѣ естественно было, что восточные патріархи, вмѣстѣ съ другими греками, заняли на московскомъ соборѣ безусловно доминирующее положеніе и что то или другое рѣшеніе поставленныхъ на соборѣ вопросовъ исключительно зависѣло отъ нихъ,—русскіе іерархи только смиренно и послушно подписывались подъ тѣмъ, что диктовали имъ, купно съ другими греками, восточные патріархи.

Не несмотря на всю пассивность и податливость русскихъ отцовъ собора, несмотря на то, что они смиренно приложили свои руки подъ суровымъ осужденіемъ патріархами русской церковной старины, все-таки и у нихъ, вѣроятно, такъ или иначе, сказалось, что восточные патріархи перешли должную границу сдержанности и безпристрастія въ сужденіи о русской церковной старинѣ, что они чрезмѣрно рѣзкими заявленіями о простотѣ и невѣжествѣ отцовъ Стоглаваго собора, между которыми были и святые угодники Божіи, слишкомъ неосторожно и больно задѣли русское народное самолюбіе. По крайней мѣрѣ патріархи, въ концѣ своихъ соборныхъ дѣяній, сочли нужнымъ написать и обнародовать особое „Увѣщаніе“ относительно Стоглаваго собора, въ которомъ они всячески усиливаются провести и оправдать ту мысль, что не только отдѣльные святые мужи слушали и

пользовались совѣтами и указаніями другихъ, но что и самыя позднѣйшія вселенскіе и помѣстные соборы исправляли постановленія соборовъ имъ предшествующихъ, если находили въ нихъ постановленія, что либо не въполнѣ удовлетворительное и несовершенное. Приводя всему этому историческіе примѣры и указанія „Увѣщаніе“ заключаетъ: „тѣмъ же убо посему да никтоже и нынѣ стужаетъ о семъ настоящемъ соборѣ, видя нѣкія вины на ономъ бывшемъ соборѣ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ погрѣшенныя: о крестѣ, и о трегубой аллилуйи, и о согбеніи перстѣ, и о символѣ и о прочихъ вещахъ, писанныхъ на ономъ соборѣ“. О простотѣ и невѣжествѣ митрополита Макарія и другихъ отцовъ Стоглаваго собора въ „Увѣщаніи“ уже не говорится, конечно потому, что оно было написано съ нарочитою цѣлю нѣсколько сгладить и смягчить то тяжелое и непріятное впечатлѣніе, какое производило на русскихъ соборное опредѣленіе грековъ о Стоглавомъ соборѣ.

Значительно иначе, чѣмъ къ Стоглавому собору, патріархи отнеслись къ другому нашему собору, бывшему при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ. Какъ извѣстно, на этомъ соборѣ постановлено было всѣхъ лицъ, обращающихся изъ католичества въ православіе, перекрещивать вновь,—католическое крещеніе, такимъ образомъ, не признавалось настоящимъ истиннымъ крещеніемъ. Это неправильное постановленіе русскаго собора патріархи рѣшили отмѣнить и признать латинское крещеніе правильнымъ. Но они дѣлаютъ это очень осторожно и сдержанно. Они приводятъ многочисленныя выдержки изъ правилъ и постановленій разныхъ древнихъ соборовъ, святыхъ отцовъ и учителей церкви, сопоставляютъ ихъ съ постановленіемъ собора при Филаретѣ Никитичѣ, причемъ доказываютъ, что толкуемая и понимаемая древнія соборныя и отеческія правила не дозволяютъ перекрещиванія латинянъ, почему соборное постановленіе при Филаретѣ Никитичѣ о перекрещиваніи латинянъ должно быть отмѣнено и впредь присоединять латинянъ къ православію слѣдуетъ безъ перекрещиванія. При этомъ патріархи считаютъ нужнымъ, для успокоенія русскихъ, сдѣлать такое заявленіе: „аще же кто негодовати начнетъ за соборное изложеніе оно, еже бысть при святѣйшемъ патріарсѣ Филаретѣ Никитичѣ московскомъ и всея Россіи.

ревность имѣя, ежебы не разрушити его: о семъ таковой да не негодуеть и да не сумнится, но да вѣсть, яко во древняя времена соборъ собора исправляше, не негодующе о первомъ, но на лучшее церкви смотряюще, исправиша послѣди... И что многа глаголати? И апостольская узаконенія и правила святѣи отцы послѣди исправляху на лучшая, якоже видѣти въ 6-же селенскомъ соборѣ во 12-мъ правилѣ... И многа ина таковая обрѣсти имать кто, отъ прежнихъ святыхъ соборовъ изложенная, отъ послѣднихъ безъ зазора исправленная, а не зазираху и не поношаху прежнихъ въ неисправленіи. И нынѣ убо о исправленіи прежде бывшаго собора при святѣйшемъ Филаретѣ патріархѣ никтоже да сумнится, или зазритъ: лѣпо бо по прежде реченныхъ образѣхъ“.

Греческій взглядъ на особенности стараго русскаго обряда, какъ на содержащія въ себѣ еретическое ученіе и потому не терпимаго въ православной церкви, подсказанный антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ еще Никону, былъ формально признанъ и закрѣпленъ греками на соборѣ 1667 года, причемъ восточные патріархи, конечно, и не подозревали, что они, въ данномъ случаѣ, признаютъ еретическимъ собственно свой же старый греческій православный обрядъ, нѣкогда перешедшій отъ нихъ къ русскимъ и у послѣднихъ неизмѣнно сохранившійся до послѣдняго времени. Но какъ бы то ни было, только послѣ состоявшихся опредѣленій о старообрядчествѣ на соборѣ 1667 года, всѣ православные русскіе усиленно старались провести греческій взглядъ на старый русскій обрядъ въ своей дальнѣйшей борьбѣ съ старообрядчествомъ.

Игнатій тобольскій, въ своемъ третьемъ посланіи (стр. 60), говоритъ: „нѣсть бо ересь, юже они проклятїи полуармяне (т. е. старообрядцы) не держатъ: въ раздѣленіи неравенства ипостасей Святыя Троицы, еже изображати ю съ послѣдними персты,—суть проклятїи аріане; въ маломъ паки перстѣ изобразующе Св. Духа и тѣмъ его меньши Бога Отца творяще,—суть проклятїи македоніане; изобразующе же паки Сына Божїя въ раздѣленныхъ лицахъ Божествомъ и челоувѣчествомъ, въ великоуказательномъ и въ великосреднемъ, и тѣмъ Сына Божїя на двѣ ипостаси, сирѣчь, лица раздѣляюще,—суть проклятїи несторіане“. Св. Димитрій Ростов-

скій въ своемъ „Розыскѣ“ называетъ старообрядцевъ еретиками, такъ какъ они „троическое единосушіе пресѣцають на трое: единого Сына Божія на два Сына раздѣляютъ, воплощеніе Сына Божія, бывшее поистинѣ, не исповѣдуютъ, Христа на особомъ отъ Святыя Троицы престолѣ посаждаютъ„ (стр. 385, изд. 1847 г.). Питиримъ въ „Пращицѣ“ прямо называетъ старообрядцевъ еретиками. „Подобнѣ онымъ еретикамъ древнимъ, говоритъ онъ, и нынѣшніи, иже въ мимошедшихъ лѣтѣхъ яко злосмрадное зловоніе проникшии, глаголю: Аввакумъ, Лазарь, Теодоръ, пустоствятъ Никита, и нижегородецъ старецъ Сергій“ (л.л. 11, 13, 291, 358, 359). Питиримъ подробно говоритъ о томъ, въ чемъ именно заключается еретичество старообрядцевъ и почему они должны быть поставлены наряду съ древними еретиками (л.л. 89, 91—94, 101 и др.). Пресвященный Теофилактъ въ „Обличеніи неправды раскольническія“ говоритъ, что старообрядцы своими ожесточенными нападеніями на православный обрядъ, упрямымъ нежеланіемъ принять его, даютъ право подозрѣвать, что они съ особенностями своихъ обрядовъ соединяють какія либо неправославныя представленія. „Зрите и вы, богомерзкіе суевѣрцы, говоритъ онъ напримѣръ, праведно-ли вы нарекаете на православныхъ христіанъ, акибы неправильно васъ порицающихъ аріанствомъ, иже со Аріемъ не хотите исповѣдати Христа Бога, егда молитву сію: Господи Исусъ Христе, Боже нашъ и пр. отместете; въ сложеніи перстовъ хиромантіею своею гадательнѣ противитесь равенству Святыя Троицы, а въ молитвѣ сей явно отрицаетесь Христа исповѣдати Бога. Сего больше и самъ ересеначальникъ Арій не требуетъ отъ васъ; и еще ли не явное ваше аріанство, безбожніи апостаты!“ (л. 89). Арсеній Мацевичъ въ своемъ „Изобличеніи“ на „предисловіе“, къ поморскимъ отвѣтамъ, такъ говоритъ о старообрядцахъ: „вамъ самая нужная и главная вещь къ вѣрѣ и церкви: двоперстный кукишъ арменскій, двойственное аллилуіа, да осемь концовъ крестныхъ на просфорѣ. И тако по сему можно видѣть, что ваша вѣра столько съ Златоустомъ согласуетъ, сколько Веліаръ со Христомъ. Однако можно безсомнѣнія признать, что ваша вѣра съ своими преданіями не новая, но самую вещь древняя и старинная, сирѣчь, древняго Веліара—сатаны и его слугъ—древнихъ схизматиковъ, раскольщи-

ковъ и еретиковъ, на которыхъ древній церкви учитель Златоустъ святой пространно писалъ и вопіялъ“. (Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. I, прилож. стр. ССССXXXV).

Такъ, съ легкой руки грековъ и двухъ предсѣдательствовавшихъ на соборѣ 1667 года восточныхъ патріарховъ, наши старыя церковныя обряды и въ глазахъ самихъ русскихъ постепенно превратились въ зловредныя и погубныя еретическія обряды, которые никакъ не могутъ быть терпимы въ православной церкви.

Коренной переверотъ во взглядахъ на старообрядческія особенности и на отношеніе къ нимъ православныхъ, въ смыслѣ отрицанія правильности закрѣпленнаго постановленіями собора 1667 года греческаго взгляда на старый обрядъ, произвело знаменитое „Увѣщаніе“ митрополита Платова, въ которомъ московскій святитель настойчиво и рѣшительно заявляетъ, что старообрядцы въ самой силѣ вѣры согласны съ нами, „только за одни мелкости спорять и отъ насъ за то отдираются“, что какъ въ сугубой аллилуйи такъ и въ трегубой одинаково прославляется Св. Троица, что „если вѣра о Св. Троицѣ есть непорочна, то какими бы пальцами ее ни изображать, нѣтъ бѣды спасенію, что какъ бы ни ходить—по солнцу или противъ солнца, въ томъ великой силы не находили... Хорошо ходить и по солнцу, только бы быть въ соединеніи съ церковію“. (Стр. 35, 49, 55, 59, 78, 84 и др. Изд. 8-е).

Со времени изданія „Увѣщанія“ и послѣдовавшаго за тѣмъ учрежденія такъ пазываемаго „единовѣрія“, православные перестали называть старообрядцевъ еретиками, перестали отыскивать въ старомъ обрядѣ будто бы скрытое въ немъ злое еретическое ученіе, что утверждали восточные патріархи на соборѣ 1667 года. Эту перемену, во взглядахъ и отношеніяхъ къ старому обряду со стороны православной русской церкви, объясняетъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ „Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу“. „Когда ревнители мнимой старины, разсуждастъ московскій святитель, упорно стали за перстосложеніе двуперстное противъ троеперстнаго, привятаго издревле въ знаменіи пресвятыя Троицы, тогда настояло опасеніе и подозрѣніе: не есть-ли, или не окажется-ли двуперстное знаменіе выраженіемъ какого либо новаго неправдаго ученія о Божествѣ, и потому предосто-

рожность требовала употребить сильную мѣру, чтобы пресѣчь неправильное, и не допустить распространяться злу.. Потомъ болѣе нежели столѣтній опытъ показалъ, что выстарообрядцы, отъ православнаго ученія о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія, не отпали, и что въ крестномъ знаменіи продолжаете образовывать таинство Пресвятыя Троицы и воплощеніе Сына Божія, какъ и православная церковь, только не такимъ расположеніемъ перстовъ, какое она издревле (?) употребляетъ. Измѣненіе знаменія перестало быть важнымъ и подлежащимъ строгому суду, когда оказалось, что существо таинства сохранено“. (Стр. 117—118. Изд. 3-е).

Такимъ образомъ, и теоретически и практически—греческій взглядъ на старый русскій обрядъ, какъ еретическій, утвержденный постановленіями собора 1667 года, былъ въ позднѣйшее время признанъ русскою церковію ошибочнымъ и замѣненъ прежнимъ русскимъ взглядомъ, что старый обрядъ, и по своему происхожденію и по выражаемому имъ ученію, есть обрядъ строго православный, не заключающій въ себѣ ничего еретическаго. А въ послѣднее время научно-историческими изслѣдованіями твердо установлено и то положеніе, что старый русскій обрядъ есть дѣйствительно старый греческій православный обрядъ, по сравненію съ тѣмъ новымъ греческимъ обрядомъ, какой былъ утвержденъ соборомъ 1667 года.

Н. Кантеевъ.
